

БУРЯ

1

Василий Васильевич стоял у гипсовой низкой колонны, опустив руки, слегка сутулясь, отчего крахмальная рубашка его смялась на груди под фраком.

По старому и мозаичному паркету залы медленно продвигались танцующие пары под звуки танго. Кавалеры были в черных фраках, полные или худые, иные с проседью, иные с блестящими бородами, иные с круглыми, почти детскими лицами; все они, словно в изнеможении и без сил, двигались, не отрывая заморенных глаз от глаз своих дам.

Их дамы, в желтых, оранжевых, красных платьях, узких и открывающих колена, с хвостами, как у ящериц, или раздвоенными, как змеиный язык, в перьях и пылающих драгоценностях, были словно тропические насекомые, охваченные лихорадкой и зноем вечера.

Тонкие, изломанные звуки танца, пронизывающие и безбольные, обезволивающие и ядовитые, смутили совсем и затуманили Василия Васильевича. Ему вдруг стало казаться, что от танцующих исходят, как паутина, ниточки, запутывают и томят, что эти ниточки — темные силы, просочившиеся из самых глубоких погребов сознания в кровь, и что это совсем не веселый танец танго.

Но едва ли Василий Васильевич сознавал все-таки, что думает: он был, как никто из участников этого рождественского бала в загородном доме князя Красносельского, взволнован и влюблен; не мигая и не отрываясь, он уже давно следил за Еленой Павловной Ходанской. Она была в оранжевом платье с черными кружевами на боках, плечи ее были опущены, как от сильного утомления, маленькая голова на высокой шее слегка запрокинута; на нее было больно и тревожно смотреть; ее кавалер, драгун Красносельский, с прекрасным, очень холодным лицом, в конце третьего тура сбился, покраснел и ласково усмехнулся; Елена Павловна подняла на него темные глаза, брови ее задрожали, обнаженная рука пододвинулась ближе к его плечу.

Василий Васильевич понял: если теперь же, до двенадцати часов, он не скажет ей всего, больше не стоит жить; уже три месяца он думает о ней, трусит, не смеет признаться; в полночь начнется томительный ужин, она сядет, конечно, с Красносельским, затуманенная и обольстительная. Василий Васильевич решился.

Без четверти двенадцать он вошел в маленькую гостиную; у морозного окна стояла Елена Павловна и, глядя на сосны, едва различимые, покрытые снегом, озаренные месяцем, кажется, плакала.

— О чем вы? — спросил Василий Васильевич так нежно, что она сейчас же обернулась и положила ему руку на рукав фрака.

Она ответила, что не знает, отчего плачет, что устала и ей представилась близкая смерть.

Василий Васильевич принес воды в запотевшем стакане, дал отпить и, глядя на зигзаг ковра, наморщив лоб, сказал, точно сдвигая тяжесть, что любит Елену и не может без нее жить.

Елена Павловна так удивилась, так раскрыла глаза и губы, что он уже без страха схватил ее руки, стал их целовать в ладони, в сгибы запястий, в нежные впадины локтей; она молчала и вдруг проговорила низким странным голосом: «Люблю тебя!»

Это было неожиданно и почти страшно. Неужели чувства ее так очевидны и грубы? Или все это накалилось после дьявольской музыки? Он представлял ее необычайной и воздушной, не знающей страстей. Она же ответила как простая девушка. Но Василий Васильевич сейчас же и забыл об этой мимолетной царапине.

На другой день он поехал к Ходанским. От счастья и радости он не ел, не курил и несколько раз взглядывал в зеркало, не узнавая в нем себя.

Елена Павловна встретила его спокойно, сказав, что много думала и согласна быть его женой. Он опять удивился такому ответу: разве не ясно после ее вчерашних слов, что она его навек?

Они беседовали в гостиной, где обычно принимали и поили чаем всех гостей. Елена Павловна была в синем гладком платье, синеватые круги лежали у нее под глазами, и усталая морщинка врезалась между бровей.

Ее точно брало большое нетерпение — окончить все поскорее и уйти на мороз; над ее головой, над мягким диванчиком висели в тяжелых рамах два портрета: толстый хищный полковник в александровском сюртуке и зловредный старичок в орденах, сухонький, с гусиным пером в крошечных пальцах; у обоих у них между бровей была та же нетерпеливая складка.

На минуту Василий Васильевич почувствовал, что он здесь чужой и родным никогда (и никто из людей) быть не может. Он стал смотреть на пол-

ные губы Елены Павловны, красные, должно быть необычайные, если их поцеловать. Они задрожали, усмехнулись, и она спросила: «Ну, чего же вы молчите?» И у него опять закружилась голова на много недель.

Елена Павловна была всегда весела и умна; то легкими насмешками, то незаметным упорством, иногда только простым подчеркиванием слов она сделала так, что он считал вкусы ее самыми лучшими, поступки — самыми достойными, взгляды — самыми умными. Василий Васильевич думал, что в день свадьбы он получит несомненно величайшее из сокровищ на земле.

Иногда она запрещала им видаться; он страдал и сидел дома; и однажды узнал случайно, что в один из таких «отреченных» дней она ездила на Иматру.

Василий Васильевич надел сюртук, перчатки, причесал волосы по-старому, назад (теперь ему было приказано делать английский пробор), и в таком виде, решительно подняв брови, приехал к Ходанским. Елена Павловна не заметила ни его сюртука, ни того, что он не снял перчаток.

«У нее скверное лицо. Она сейчас солжет», — подумал он невольно, покраснел от стыда, ужаснулся своей грубости, но все же в длинном и путаном разговоре попросил объяснения таинственных поездок. Елена Павловна опустилась на диван, где и сидела до конца разговора, согнувшись, странная и замученная, затем просто и жалко махнула рукой и сказала:

— Не знаю, я ни в чем не виновата перед вами.

В этот же вечер они поехали в оперу, на «Русалку». Василий Васильевич умилялся несчастной судьбе мельниковой дочери и решил сделать Елену счастливой, чего бы это ему ни стоило. Но

на первый день Пасхи он столкнулся у Ходанских с офицером, который, смеясь в дверях, придерживая кивер, говорил: «Нет, нет, я гораздо скромнее, чем обо мне думают!» Это был князь Красносельский; он слишком вежливо поклонился Василию Васильевичу и вышел. В гостиной Елена наспех улыбнулась жениху, сказала: «Ах, вот и вы!» — и почти прикрыла дрожащими веками глаза; но все же Василий Васильевич увидел в них и затаенную страсть, и гнев, и разочарование, и досаду.

С этого дня он почти не спал по ночам. Распаленным воображением видел Елену и князя. Срывал с себя простыни и дышал, как в жару. Или распахивал форточку, глотая мокрый воздух. С одичавшими глазами, со спутанной русой бородой, он томительно искал сна то на кожаном диване кабинета, то в последнем изнеможении присаживался в столовой у стола, глядя на скатерть, освещенную лишь мутным отблеском фонаря за окнами. Он писал и рвал письма к Елене. Решал вызвать Красносельского. Мечтал застать их обоих и убить или, не известив, уехать в Индию. На рассвете его сваливал тяжелый сон. А днем Василий Васильевич снова шел к телефону и объяснял свое отсутствие делами по продаже леса или приездом управляющего.

Елена поняла, должно быть, его состояние: вечером неожиданно она приехала одна, взяла крепкими руками за руку Василия Васильевича, отворившего ей двери, увела в комнату, не снимая шубки и капора, села к нему на колени и стала целовать его, молча, сурово, бледная и холодная. Она сама поторопила со свадьбой. В июне они повенчались и уехали в Италию.

Василий Васильевич так и не сказал жене ничего о ревнивых муках, о всем стыдном, в чем он ее

подозревал. Счастье было такое острое, дни такие сияющие, Италия так благодатна, что недавнее прошлое казалось как дым. Елена была все так же весела, ровна и сдержанна. И только по вечерам в поцелуях ее охватывало безумие: словно весь день она сдерживалась, чтобы разнуздаться ночью. Однажды он долго глядел на ее спящее лицо с приоткрытым пленительным ртом, с растрепавшимися по подушке темными волосами и вдруг подумал, что Еленой овладели бесы, союз их душный и грешный.

Но снова поутру Елена вставала чистая и ясная. Шумело море за окнами, качались на нем лодки и корабли, и по залитым солнцем мраморным мостикам хорошо было идти под руку завтракать в любимый ресторан. Казалось, настало время, когда каждая минута словно вечность и не надо ждать иной.

У ресторана уже второй день вертелись и кричали газетчики, точно комары перед дождем, все назойливее приставая с экстренными выпусками. Василий Васильевич, наконец, подозвал чернокудрого оборванца, бросил ему сольд. Елена взяла газетный листочек, ахнула и быстро сказала:

— Боже мой, кажется, в Германии война. Вот досада! Пропал наш Мюнхен и старенькие города.

Действительно, о поездке в старую Германию нечего было и думать; подождали несколько дней, но уже войну объявили. Опасность, с каждым часом увеличиваясь, выросла внезапно в чудовищную панику. Начались разговоры о злых силах, сорвавшихся на волю, о том, что возможны ужасы времен Атиллы, сожженные города, вырезанные народы. Непрочной казалась даже земная кора.

Итальянцы суетились и шумели на улицах, как помешанные. Их решения — направо или налево положат они свой шар — ожидали великие державы.

Елена трусила. Василий Васильевич хотел только одного — быть сейчас в России. Он обегал все агентства и выбрал ближайший пароход на Константинополь. Покупая билет, он сосчитал, что на курсе потерял семьдесят восемь лир, и вдруг с бешенством крикнул усатому, горбоносому кассиру:

— Весь мир летит к черту, вы понимаете? Вам никакие ваши курсы не помогут! Лавочники!

Кассир сейчас же высунулся с обеими руками из окошка, затараторил что-то, доказывая, считая по пальцам, плюясь и задыхаясь. Собралась толпа. Василий Васильевич махнул рукой и вышел. Зараза скандала носилась повсюду; на перекрестках, в гавани, на палубе парохода быстро собирались кучки людей, точно заговорщики.

Но когда медленно опустились вдалеке берега Италии и, кроме воды и неба, ничего не осталось кругом корабля, все вдруг успокоились. Море было ясное, с неуловимо затуманенными краями; в положенный час в его разгоряченные воды ушло солнце и позолотило край небес.

Потом появились созвездия, большие и зеленоватые. Над головой сиял Северный Венец, точно увенчивая корабль, единственный в этой водной пустыне; Скорпион окунал в воду свое жало; простерся Лебедь на востоке, он был похож на взметенный вихрями в небо гигантский аэроплан. Взошел Сатурн; зловещий мутно-желтый след его протянулся до корабля.

Елена сидела на верхней палубе, на парусиновом кресле. Подняв голову, закутанную в серый газ, она словно с тоской глядела на звезды, мерцающие теперь и вверху и внизу: как будто корабль двигался в небесном эфире без дна и берегов.

Василий Васильевич стоял рядом, не шевелясь и не дыша; он поднял воротник пальто и надвинул шляпу. Внизу играла музыка. Вдруг он различил знакомые душные звуки танго, и стало оскорбительно за все, что было вокруг. Он посмотрел на Елену.

— Ты помнишь? — спросила она улыбаясь.

Он затряс головой и, отвернувшись, стал думать: «Нужно о многом, о многом с ней поговорить. Боже мой, мы совсем чужие люди! Я не чувствую ее мыслей; мы нарочно закрылись друг от друга, чтобы не мешать сомнительным удовольствиям. Разве мы муж и жена?»

Он положил руку на ее плечо, сжал его и сказал:

— Ты тоже подумала о том вечере? Мне неприятно о нем вспоминать: что-то слишком откровенное было там, обнаженное. Ты взгляни: мы точно летим в небе, и как далеко остались те переживания, не правда ли? Мне хочется взять тебя за руку, знать, что ты — мой друг, — он заглянул ей в глаза, полные слез и точно звездной пыли. — Ты о чем, Елена?

— Почему ты думаешь — я должна отдать тебе еще и тот вечер? — ответила Елена и освободила плечо от его руки. — Мне хочется остаться одной.

Василий Васильевич отошел к палубному столу, взялся руками за влажные перила. Ему стало вдруг спокойно, холодно и пустынно.

— Если ты даже сейчас прячешься от меня так старательно, значит, совсем не любишь, — сказал он и подождал.

Елена молчала. Тогда он негромко, точно добросовестно припоминая, рассказал о всех ревнивых думах, о мелких царапинах, противоречивых мелочах, разжигавших его ревность, и о том, что ему

оскорбительны иногда их ласки, — в такие минуты он чувствует, как ее душа томится в духоте неосвященной и нечистой страсти и тоскует по другому... Он назвал имя Красносельского. Елена быстро встала.

— Для меня это новость, — проговорила она взволнованно, — если вы хотите так думать, я вам не мешаю.

Она ушла вниз. Василий Васильевич сел на скамью и просидел всю ночь. Ему было даже приятно, когда утренний ветер точно стал дотрагиваться до костей, — не осталось кровинки теплой в теле. Он решил довести Елену до Одессы и там расстаться. Теперь он думал о войне: очевидно, призовут его еще не скоро, но хватит ли мужества пойти добровольцем и нужно ли это? Вернуться к прежней жизни, бездельной, суетливой, лишенной теперь прежнего очарования, казалось самым тяжелым. Поднявшееся солнце припекало. Отчаянье стало безнадежным, и он задремал.

Вдруг Василий Васильевич почувствовал нежный, знакомый, обольстительный запах духов и невыразимо родное прикосновение руки к лицу. Он глубоко вздохнул и открыл глаза. Было уже поздно, около сидела Елена.

— Милочка моя, — сказал он медленно, — милая моя, милочка...

Елена опять провела по лицу его ладонью, поправила шляпу на нем и сказала:

— Посмотри, ты спишь, а вон идет военный корабль. Все трусят, говорят, что это немецкий крейсер.

Действительно, повисшие на бортах, стоящие на скамейках и у капитанского мостика пассажиры всматривались в длинное облачко дыма на юго-за-

паде. Там над водой медленно поднимались мачты и трубы, и, наконец, появилась четкая полоска судна. Тощий господин в клетчатой каскетке, стоявший спиной к Елене, быстро опустил бинокль, обернул веснушчатое, вдруг покрывшееся морщинами лицо и крикнул:

— Он идет на нас!

Тогда кто-то охнул, точно надавили на живот, и толпа мужчин двинулась к капитанскому мостику, женщины начали хватать детей, полная дама, цепляясь коротенькими ручками за воздух, вдруг пронзительно закричала и пошла, как слепая, со сбитой набок шляпой.

— Что с ней? Остановите! Пусть она замолчит! — воскликнуло несколько голосов, и, побелевшая, как клоун, сутулая какая-то девица неожиданно молча повалилась на пол.

Военный корабль приближался; он выкинул сигнал, и капитан, побагровевший под загаром, поспешно приказал застопорить машину. Пассажиры стали вбегать вовнутрь парохода и выскакивали оттуда полураздетые, с пробковыми поясами.

Василий Васильевич все крепче и сильнее сжимал Елене руки. Она сидела, побледнев и глядя на зеленовато-серый длинный крейсер; теперь на нем видны были даже пушки и медленно ползающие точки людей. Вдруг вскрики, плач, суэта затихли. Стало совсем страшно. В тишине хриплый голос капитана отчетливо проговорил: «На северо-востоке английское военное судно, — и после молчания добавил: — Это «Гамильтон», я могу поспорить».

И, точно услышав это, немецкий крейсер изменил курс и быстро стал поворачивать. Тогда все увидели совсем ясно небольшое двухтрубное судно, оно приближалось с огромной скоростью. И вдруг

все окуталось дымом. Через много секунд над водой полетел тяжелый грохот, надрывающий шелест снарядов, и раздались металлические удары, будто в борт крейсера хватила молотом; на нем поднялся столб огня, копоты, и сейчас же восемь его орудий, выкинув пламя и дым, ударили, сотрясая море и небо. Но ни один из тяжелых снарядов не настиг маленького «Гамильтона»: он летел уже в обратном направлении, сближаясь и страшно дымя, и снова окутался дымом орудий, и, круто повернув, как волчок, дал третий залп, сбивший трубы и мачты с крейсера, покрыв палубу его кипящим пламенем. Подбитый крейсер стал быстро уходить; кругом него взлетали столбы воды...

— Слышишь музыку? — проговорил, наконец, Василий Васильевич.

Елена молча кивнула; мертвенное лицо ее было искажено; она освободила губу, до этого стиснутую; из-под глубокого знака зубов потекла кровь.

— Иди же, беги туда, — сказала она, дрожащими пальцами вытаскивая из сумочки платок.

Василий Васильевич схватил его и, размахивая и крича, как и все на пароходе, побежал к противоположному борту, куда подходил «Гамильтон». На его носу музыканты, сверкая трубами, играли марш. После грохота битвы музыка эта казалась нежной и таинственной, словно выходящей из глубины моря.

2

В том замкнутом кругу, где Василий Васильевич и Елена жили до сих пор, война была принята как очередное и чрезвычайное событие. Немедленно появились особые правила приличия; стало считаться неудобным носить яркие платья и шляп-

ки и не вязать носков и набрюшников. Были введены в обиходный язык слова, до этого считавшиеся грубыми: портянки, набрюшники, кальсоны и прочее, а к Рождеству в гостиные проникло даже слово вошь, хотя и произносилось с некоторой заминкой; словом, круг этот не был застигнут врасплох и сразу применился.

По приезде в Петроград Елена, как и многие из дам, надела косынку и работала в лазарете. Под белым платком ее лицо казалось теперь затихшим и смиренным, и появилось новое выражение: поджатые губы, будто она стыдилась их красоты и выразительности. Василий Васильевич назвал ее «крестьяночкой». Она велела очистить от шкафов и картонок дальнюю комнатку, оклеить ее белым и там спала в ночи, свободные от дежурства. Эта беленькая комната взволновала Василия Васильевича, но он поймал себя на дурной мысли, перешибил и стал проходить мимо дверей на цыпочках и с умилением. Ему казалось — с Еленой происходит то же, что с ним; они оба пережили ожидание смерти и слышали голоса пушек; металлические, неумолимые, эти голоса звенели и теперь в ушах, отбивая новый ритм, подобно чудовищному камертону. Все личное, прежние привычки и страсти словно съежились — их было стыдно иметь. Тогда Василий Васильевич поспешил освободиться от них совсем. Это было нетрудно. Но освободившись (он рассчитал дорогого повара, отдал автомобиль союзу, поклялся не пить, не курить, не играть до окончания войны и, главное, выдержать молчаливое соглашение с Еленой), неожиданно почувствовал себя маленьким, похожим на всех и точно не одетым. Поэтому главное чувство, овладевшее им теперь, было смирение. Он не мог понять хло-

потливой болтовни иных своих благотворительных тетушек, убежденных в том, что немцы, придя, например, и увидя, какие они добрые и светские, немедленно поймут свое место и бросят грубить и воевать; хотя убеждение это, правда, уже пошатнулось после того, как тетка Варвара, которой боялся весь Петроград, вернулась из-за границы в одной юбке, без чемоданов и вставных зубов, с вывихнутым коленом.

Василий Васильевич начал работать в комитетах, потом в союзе по снабжению армии. Он вставал еще при электричестве, звонил по телефонам, разбирал бумаги и письма, затем, довольный и радостный, завтракал у себя в кабинете и ехал по делам.

Он встречался с людьми, которых прежде почему-то привык не уважать. Теперь он старался всячески покрыть эту свою вину, и было радостно казаться незаметным, умяляться, точно этим он докапывался до самого себя, подлинного и единственного. Иногда он с тревогой думал, что, сдвигая с себя, как с луковки, шелуху за шелухой, найдет ничтожное и никудышное ядро.

Но когда настала, наконец, очередь Василию Васильевичу надеть форму прапорщика, ядрышко это, самая сущность, не завопила, не перетрусилась, а точно засветилась радостным и тихим светом. И он только дивился, каким чудом это его умиротворение сочеталось с единственным теперь долгом войны.

Увидев мужа первый раз в форме, Елена вскрикнула и покраснела.

— Вот привезут без ноги, прямо к тебе в лазарет лягу, — сказал Василий Васильевич, думая, какой бы ему найти предлог, чтобы поцеловать ей руки.

Они были длинные и тонкие, с очень обозначившимися теперь синими жилками. Ему вдруг до боли стало жалко Елену.

— Милочка, зачем ты так мучаешь себя? — внезапно проговорил он и, видя, что она, как всегда, испуганно подбирается, оглядываясь, чтобы уйти, поспешно dokonчил: — Я уже многое знаю и все пойму. Ты только откройся, будем и в этом вместе. Ведь мы же иные сейчас!

— Я боюсь, что он убит, — сказала Елена, прямо и строго глядя ему в глаза.

Василий Васильевич понял: сегодня весь город облетело известие о больших потерях в Энском полку, где служил Красносельский; в вечерних выпусках ожидали подробностей и списка павших.

Они не сказали больше ни слова. Василий Васильевич взял только руку Елены и молча поцеловал между синими жилками, такими понятными, смертными, простыми. Елена вышла. Он сел на пол перед камином и, глядя, как пылает загорающийся и сыплется догоревший кокс, стал думать о том, что давно ожидал смерти Красносельского, почему-то был в ней уверен и боялся, не принесет ли она ему злой радости. Он закрыл глаза: конечно, если Красносельский убит, то и ему тоже должно умереть! Такой неожиданный вывод удивил Василия Васильевича; он заворочался и подальше отодвинулся от огня. Но вдруг стало ясно одно: все это его спокойствие и умиротворение оттого, что он уже давно, сам того не зная, готов к смерти.

Около семи часов Василий Васильевич услышал, как два раза негромко позвонили в парадном, — принесли из швейцарской вечернюю газету; сейчас же по коридору застучали неровные и быстрые каблучки Елены. Она сама открыла

Содержание

БУРЯ	5
МОРОЗНАЯ НОЧЬ	33
ПОД ВОДОЙ	43
ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК	71
РАССКАЗЫ ИВАНА СУДАРЕВА	95
I. НОЧЬЮ В СЕНЯХ НА СЕЛЕ	95
II. КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ	98
III. СЕМЕРО ЧУМАЗЫХ	108
IV. НИНА	120
V. СТРАННАЯ ИСТОРИЯ	126
VI. РУССКИЙ ХАРАКТЕР	143
СМЕЛЬЧАКИ	154
ТАРАН	162
МАТЬ И ДОЧЬ	168
КАТЯ	193
АРМИЯ ГЕРОЕВ	201
РУССКИЕ ВОИНЫ	206
РОДИНА	214